

О. А. МОЧАЛОВА

Николай Гумилев

Летом 1916 г. Н. С. Гумилев жил в Ялтинском санатории возле Массандровского парка, лечился от воспаления легких, полученного на фронте. Молоденькая курсистка В. М. *¹ гуляла по берегу моря с книгой Тэффи в руках. К ней подсел некто в санаторном халате и, взглянув на имя автора книги, спросил: — Юмористикой занимаетесь? — Нет, это стихи. — Значит, «Семь огней»²... Человек, знающий название единственного сборника стихов Тэффи — редкость, и В. М. продолжала разговор. В дальнейшем мы встречались с Гумилевым втроем и вдвоем, гуляли и беседовали.

В то лето Николай Степанович написал прелестное стихотворение —

«О самой белой, о самой нежной...»³,

посвященное Маргарите Тумповской⁴. Он рассказывал фронтовые эпизоды. Как в него долго и настойчиво целился пожилой, полный немец, и это вызвало гнев.

«Русский народ очень неглуп. Я переносил все тяготы похода вместе со всеми и говорил солдатам — привычки у меня другие, но, если в бою кто-нибудь из вас увидит, что я не исполняю долга, — стреляйте в меня...» «Женщину солдат наш не любит, а “жалеет”, хотя жалость его очень эротична...»

— Физически мне, конечно, было очень трудно, но духовно — хорошо!

Сердился на меня, что шарахнулась от собак, кинувшихся на меня с лаем при выходе из парка. — «Вы и этого боитесь?» Говорил, что не любит музыки, находит в ней стук деревянных клавиш. Музыка — в ритме стиха, в движении воздушных волн, управляемых словом.

* Варвара Моница (*ред.*).

Говорил, что любит синий цвет, обстановка в его Тверском имении — синей обивки.

...Был против нарядничанья в стихах.

— Зачем это «Шелковое царство»? (о стихах В. М.). Вот у Ходасевича «Ситцевое царство»⁵, и как это хорошо...

С большой похвалой читал стихи Марины Цветаевой, где она говорит из могилы...

...прохожий,

... я тоже,

Любила я...⁶

— Люблю «Гаргантюа и Пантагрюэль»...⁷

— Об Ахматовой: Она такой значительный человек, что нельзя относиться к ней только как к женщине...

— Возмущался, что у нас на В. Ж. К.⁸ нет обязательного изучения «Эдды»...⁹

— Денег никогда не хватает. То нужна лошадь, то моторная лодка...

— Передразнивал: поэт, поэт... И ищут, к чему бы придраться... Но писать надо так, чтобы ни одной строки нельзя было высеять...

— В царскосельской гимназии товарищи звали меня «bizarre», т. е. странный. Директором был Иннокентий Анненский, он меня выделял. Он поражал пленительными и неожиданными мнениями...

— Меня били старшие мальчики, более сильные, и я занялся упражненьями с гириями, чтобы достойней с ними сражаться...

— В 17 лет изучил «Капитал» Маркса и летом объяснял его рабочим...¹⁰

Николаю Степановичу понравились мои стихи «Песня безнадежная», которые сама считала глубоко ученическими.

»В моем венце — не камни ценные,

Не камни — слезы.

Закрыты очи незабвенные,

Над гробом — розы.

Я целый день сижу поникшая

Здесь возле гроба,

В нем ты — мечта моя погибшая!

Мертвы мы оба.

Ты — королевич мой единственный,

Безумно — милый!

Любила я тебя таинственной,

Глубокой силой.

Целую руки страшно — бледные,
Целую жадно,
Молчи, о сердце мое бедное,
Смерть беспощадна».

Гумилев писал тогда «Гондлу», и образ плачущей девушки над гробом возлюбленного он взял для концовки поэмы.

— Здесь (в Крыму) нет созвездья Южного Креста...

— Самое ужасное — мне в Африке нравится обыденность...

Быть пастухом, ходить по тропинкам, вечером стоять у плетня...

— Старухи живут интересами племянников и внуков, их взаимоотношениями, имуществом, а старики уходят в поля, роются в земле, собирают травы, колдуют...

— В 18 лет каждый из себя делает сказку...

— Свой сборник «Колчан» посвятил Татьяне Адамович¹¹. Очаровательная... Книги она не читает, но бежит, бежит убрать в свой шкаф. Инстинкт зверька...

— Восхищался «Балладой Рэдингской тюрьмы» Уальда.

Шутил о стране «Ингермоландии»¹² вокруг Петербурга.

Когда я наслаждаюсь стихами, горит только частица мозга, а когда я люблю, горю я весь...

— Петербург — лучшее место земного шара...

— Домаливался до темного солнца...

В стихах... наяву

видевший солнце ночное...¹³

— Испытать ту предельную степень боли, которая вызывает уже не крик, не стон, а улыбку...

— Разве можно сравнивать Пушкина с Лермонтовым? Пушкин — совершенство.

* * *

Была лютая зима 19-го года. Москва стояла в развалинах. Гумилев и Кузмин приезжали выступать в Политехническом музее. После выступления Н. С. шел к Коганам, где должен был остановиться, и я дошла с ним до ближнего переулочка. Н. С. был одет в серые меха. Все мы сидели в аудитории в шубах, и Гумилев иронизировал над тем, что москвичи плохо одеты. Сосед мой, слушавший стихи, смеялся над стихами Гумилева с видом презрительного сожаленья. Это был пожилой гражданин, заросший черным волосом, типа заводских агитаторов. Большого успеха ленинградские поэты не имели¹⁴.

— Никогда не ношу обручального кольца. Это — оковы...

— В. М. прочла стихи, где были строки:

»Печаль навеки, печаль серьезна,
Печаль моя — религиозна...»

Н. Г. сказал — «“Серьезна”? Это говорят — “мужчина сурьезный”, когда он сильно пьет...»

— Наши страдания — обратная сторона должного счастья...
(мысль Эдгара По).

— Анечке (Ахматовой) надо давать 100 рублей на иголки...

* * *

Июль 1921 года. Один из знакомых и почитателей Гумилева предложил ему поездку на поезде на юг и обратно. Гумилев был в Ростове-на-Дону, где группа молодых студийцев ставила его «Гондлу»¹⁵. Н. С. театра не любил, но постановка ему понравилась, и он очень одобрительно отзывался о молодых актерах. Он провел в Москве три дня, пока поезд стоял на запасном пути. Выступал в Союзе поэтов (Тверская, 18), читал стихи об Африке. Мы ходили по улицам, встречались на вечерах, беседовали.

Из высказываний помню:

— Вся Украина сожжена (горько).

— Люблю Купера и Д'Аннунцио...

— Вещи, окружающие нас, неузнаваемы. Я не знаю, из чего это, это, это... Мы потеряли с ними живую связь...

— Показывал черновую тетрадь, где были стихи: Колокольные звоны и летучие мыши...¹⁶

— Что делать дальше? Стать ученым, литературоведом, археологом, переводчиком. Нельзя — только писать стихи...

Путь поэта — не только очередной сборник.

— В дни революции Ахматова одна ходила ночью по улицам, не зная страха...

— Жена мне — любовница, дети — младшие братья и сестры, а что она им — мать, я как-то не учитываю...

— Как хорош миг счастливого смеха той, кого целуешь...

— Это в семьдесят лет о шестидесятилетнем говорят — мальчик... Я себя «молодым» поэтом не считаю... (35 лет).

— Кладу на каждое поколение по 10-ти лет.

— Ночевать шел во Дворец Искусства, пришлось перелезть через железную ограду. Встретился в доме с Адалис и долго с ней разговаривал¹⁷. О ней отозвался: Адалис — слишком человек... А в женщине так различны образы — ангела, русалки, колду-

нии... У вас в Москве нет легенд, сказочных преданий, фантастических слухов...

— У вас никто не знает соседней улицы... Спросим прохожего наудачу, как пройти на Бол. Дмитровку? Нет, не этого, он несет тяжелый мешок... Н. С. приподнял фуражку и спросил встречного молодого человека дорогу, тот, действительно не знал.

— Каждая любовь первая...

— Я не признаю двух романов одновременно...

— В моей жизни — семь женских имен...

— Я могу есть много и могу терпеть голод...

— Шутил над стихами Маяковского, где М. увидел божество и побежал посоветоваться к своим знакомым...¹⁸

— О вышедшей тогда книге стихов Ирины Одоевцевой «Двор чудес»¹⁹ говорил: приятно и развлекательно, как щелканье орешков...

— О предполагаемом вечере, где должен был быть Сологуб, говорил: позовем Пастернака, он милый человек и талантливый поэт. А Сергей Бобров²⁰ только настроенье испортит...

— Ольга — прекрасный хорей...²¹

— Забавна у Пастернака строчка —

»и птицы породы “люблю вас”»²² —

гимназическая фауна...

— У нас в Ленинграде днем все на определенных местах, всех можно найти, уходят по личным делам вечером... А у вас никого не добьешься...

— Дразнил женщин, говоря, что стихи посвящены вам, и об одном стихотворении несколькими так...

За что же стреляться, как не за женщин и за стихи...

— Жена такого-то ослепла (с большим сочувствием)...

— (В узком проходе). Сначала пусть пройдет священник, потом женщина, потом поэт...

— Возлюбленная будет и другая, но мать — одна...

— Моим шафером в Киеве был Аксенов²³. Я не знал его, и когда предположили, только спросил — приличная ли у него фамилия, не Голозупенко какой-нибудь?..

— Стихотворенье «Дева-птица» написал о девушке, которая и любя все тосковала о чем-то другом...

— Прекрасен Блок, его «Снежные маски», его «Ночные часы»... Как хорошо и трогательно, что прекрасная дама — обыкновенная женщина, жена...

— Стихов на свете мало, надо их еще и еще...

— Бальмонту, Брюсову, Иванову, Ахматовой, мне — можно было бы дать то, что имеет каждый комиссар...

— Вчера в Союзе за мной по пятам ходил какой-то человек и читал мои стихи. Я говорил — есть такое и такое есть... Он мне надоел. Кто же вы? — спросил я. Оказывается, это убийца германского посла Мирбаха, Блюмкин²⁴. Ну, убить посла невелика заслуга, — сказал я, — но что вы сделали это среди белого дня, в толпе людей — замечательно. Этот факт вошел в стихи «Мои читатели» («Огненный столп»).

— «Человек, в толпе народа застреливший императорского посла».

Говорил шуточные стихи, ходившие в Ленинградском Союзе, о том, какой поэт как умрет. Там были строчки:

Умер, не пикнув, Жорж Иванов,
Дорого продал жизнь Гумилев...²⁵

— О Некрасове: раньше презирал из эстетизма, теперь люблю величавую простоту:

Медленно проходит городом
Дядя Влас, седой старик...²⁶

Отзывы и рассказы об Н. С. Андрей Белый: Гумилев ходит по Питеру гордо, гордо, и каждый шаг его говорит:

Я — мэтр! Я — мэтр!

Вас. Федоров²⁷ на вечере памяти Гумилева: третьестепенный брюсенок...

Поэтесса Надежда Вольпин²⁸: Гумилев — герой провинциальных барышень...

Н. А. Павлович²⁹: Гумилев искренне считал:

«Что быть поэтом женщине — нелепость...»²⁰

Но когда он вернулся из Африки и Ахматова прочла ему свой «Вечер»³¹, он был восхищен.

— «Ну что же, Коля, теперь учи меня», — сказала Анна Андреевна. «Что ты, Анечка — готовый поэт...» — ответил он.

— Многие мужчины преклонялись перед мужественностью Гумилева.

Маргарита Тумповская: такой отвлеченный человек... Его нельзя было называть — «Коля» ... Какой он — Коля! Я говорила — дорогой...

Росский: в Париже Н. С. был влюблен и делал много смешных глупостей...

За границей вышли стихи: «К синей звезде».

Маргарита Тумповская:

— Ахматова, разойдясь с Гумилевым, ворчала на его новые романы только тогда, когда он плохо выбирал...

Н. А. Бруни³²: в кабинете Гумилева строгий порядок, и жизнь его — в точном расписаньи. Напряженную тишину создают звериные шкуры на стенах, на диване...

Рассказывали, что Н. С. учил молодых поэтов — преувеличить свои чувства в 10 раз...

Году в 32 я слышала на улице разговор: шел изящный гражданин с интересной спутницей, он рассказывал о Гумилеве.

— Это наш поэт? — ласково спросила она.

О смерти Н. Г. Читал стихи молодой поэт:

— «И твоя могила будет гейзер...»

Редкостная скрытность Гумилева — отмечали все.

— Горячо и охотно приводил значащие для него строки Горького —

«А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут, —
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют...»³³

— Ахматова вызывала всегда множество симпатий. Кто, кто не писал ей писем, не выражал восторгов. Но, так как она всегда была грустна, имела страдальческий вид, думали, что я тиранический муж, и меня за это ненавидели. А муж я был самый добродушный и сам отвозил ее на извозчике на свиданье...

— У Бальмонта есть такие прекрасные стихи, пришедшие из таких свежих глубин, что все простится ему.

— Я сказала, что Вячеслав Иванов обладает даром Наполеона — уметь каждому дать желаемую роль... Н. С. ответил — Да, но Наполеон и сам при этом играл немалую роль.

